

A hooded figure, resembling the Grim Reaper, stands in a field of tall, golden wheat. The figure is holding a scythe and is silhouetted against a dramatic, cloudy sky at sunset or sunrise. The overall mood is somber and contemplative.

ЖНЕЦ, КОТОРЫЙ ЗАДАВАЛ ВОПРОСЫ

Adam Vains

Adam Vains

Жнец, который задавал вопросы

«Автор»

2026

Vains A.

Жнец, который задавал вопросы / А. Vains — «Автор», 2026

Он — Жнец: его коса не спрашивает имён, а тень ложится на тех, чей срок истёк. Но в этом городе сроки стали подвижными, а правила — размытыми. Кто-то играет с балансом жизни и смерти, и теперь Жнец должен не просто исполнять долг, а распутать клубок чужих решений, где каждое «спасти» оборачивается «погубить», а каждое «оставить» — новой виной. Среди этих теней появляется фигура, которая привыкла держать всё под контролем: человек порядка и дисциплины, способный увидеть систему там, где другие видят только хаос. Вместе они могут либо восстановить равновесие, либо окончательно его сломать.

© Vains A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЖНЕЦ, КОТОРЫЙ ЗАДАВАЛ ВОПРОСЫ	5
Заметка на полях	6
Часть первая. Тени	7
Пролог. Перекрёсток двух дорог	7
Глава 1. Гильдия	9
Глава 2. Ночь, когда он сказал «нет»	11
Глава 3. Изгнание	12
Глава 4. Трость	13
Глава 5. Очки	14
Глава 6. Кожа и тени	15
Глава 7. Дреды и борода	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Жнец, который задавал вопросы

ЖНЕЦ, КОТОРЫЙ ЗАДАВАЛ ВОПРОСЫ

Автор: Adam Vains

Посвящается всем, кто стоит на грани и не сдаётся

Заметка на полях

«Время — это не прямая дорога. Это механизм из тысяч шестерёнок, где каждый зубчик — чей-то выбор, каждый скрип — чья-то боль, а каждый ровный ход — чья-то тихая победа. Иногда, чтобы удержать баланс, достаточно просто посидеть на скамейке рядом. Или доесть пирожок с картошкой. Или услышать в шуме города музыку, которая не даёт тебе рассыпаться. А иногда — достаточно просто вернуться домой. Эта история — про такие моменты. Про тех, кто держит мир, даже когда кажется, что он уже падает. И про тех, кто учится держать его не потому что должен, а потому что есть кому возвращаться».

— *Adam Vains*

Эпилог. Утро

Часть первая. Тени

Пролог. Перекрёсток двух дорог

Ночь была не тёмной, а густой — будто кто-то вылил в воздух чернила, и они не растеклись, а повесили тяжёлым, липким туманом. Ни звёзд, ни луны — только редкие фонари, которые светили не столько для людей, сколько для самих себя, будто цеплялись за последний смысл.

Он шёл по пустой улице, не торопясь, но и не медля. Обычный человек в обычной куртке, с обычным пакетом из супермаркета в руке. В пакете — хлеб, молоко и банка горошка: он любил горошек с картошкой. Всё самое обычное. Именно поэтому ему казалось, что мир держится на таких мелочах: на том, что ты возвращаешься домой, ставишь чайник, режешь хлеб и думаешь, что завтра будет такой же день, как сегодня.

Имя у него было, но оно не сохранилось. Не потому что кто-то стёр его — просто после той ночи оно стало ненужным, как домашние тапочки, в которые больше не войдёшь. Он помнил, что имя было короткое, что мама говорила его мягко, что на работе его сокращали до одного слога, и коллеги считали его спокойным, надёжным, немного скучным. Он не обижался. Скучный — значит предсказуемый. Предсказуемый — значит безопасный. Ему нравилось быть безопасным.

Он вышел на перекрёсток. Две дороги, которые расходились под тупым углом, будто спорили, куда вести. Здесь фонари горели ярче, но свет не рассеивал тьму — он только подчёркивал её, делал контрастнее. И в этом контрасте он вдруг увидел то, чего видеть не должен был.

Это не было видением в привычном смысле. Не вспышки, не призраки, не голоса. Это было знание. Как будто кто-то повернул в его голове невидимый рычажок, и мир на секунду стал прозрачным. Сквозь фасады домов он увидел линии — тонкие, светящиеся, почти невидимые. Нити судьбы. Они тянулись от человека к человеку, сплетались, расходились, иногда обрывались. И на этом перекрёстке одна из них дрожала, как струна, которую слишком сильно натянули.

А потом она лопнула.

Не с треском, не с криком — с тихим, почти незаметным щелчком, от которого у него похолодели кончики пальцев. И в тот же миг он понял: это не было предназначено. Нить обрывалась не потому, что пришло время, а потому что кто-то вмешался. Кто-то решил, что может решать за других, и теперь по миру побежала рябь — мелкие волны последствий, которые вот-вот разойдутся шире.

Он сделал шаг вперёд, сам не зная зачем, и тут услышал голос. Не снаружи, не из темноты, а будто из самого воздуха, из тишины между ударами сердца. Голос был спокойный, усталый, будто говорил это уже миллион раз:

— Ты видишь. Значит, ты теперь отвечаешь.

Он хотел возразить. Хотел сказать: «Я просто шёл домой. У меня в пакете горошек. Я не готов». Но слова застряли в горле, потому что он уже знал: выбора нет. Видеть — значит принять.

Фонари мигнули, будто выдохнули, и мир снова стал обычным. Тёмным, но обычным. Нити исчезли, будто их и не было. Только холод в пальцах остался.

Он постоял ещё минуту, глядя на пустой перекрёсток. Потом опустил пакет на бордюр, снял куртку и положил её сверху — как будто хотел сохранить в ней ту самую обычную жизнь, которая только что закончилась. Горошек, хлеб, молоко. Чайник, который так и не закипит.

Завтра, которое будет таким же, как сегодня. Всё это лежало в пакете на бордюре, и он знал, что не вернётся за ним.

Потом выпрямился, глубоко вдохнул и пошёл туда, где рябь была сильнее всего.

С этого момента он перестал быть просто человеком, который любит горошек с картошкой.

Глава 1. Гильдия

Гильдия Жнецов существовала всегда — по крайней мере, так говорили старейшины, когда он был ещё новичком. Они сидели в зале, вырубленном в скале, стены были покрыты именами — миллионы имён, вырезанных мелким, аккуратным почерком, и каждое имя означало душу, которую гильдия сопровождала за грань. Старейшины говорили тихо, размеренно, будто каждое слово взвешивали на ладони перед тем, как отпустить в воздух. Они учили: Жнец не спрашивает. Жнец не сомневается. Жнец видит нить, поднимает косу, сопровождает. Всё.

Его нашли через три года после перекрёстка. Он к тому времени уже не помнил, как жил до — память о «прежде» стёрлась, как надпись на мокром камне. Осталось только ощущение: что-то тёплое, домашнее, с запахом картошки и звоном чайника. Он не гонялся за этим воспоминанием. Знал, что если начнёт, то потеряет то небольшое, что у него осталось — способность двигаться вперёд.

Его нашли потому что он был видящим. После перекрёстка нити судьбы не исчезли из его восприятия полностью — они стали приглушёнными, как радио на минимуме, но он чувствовал их: где-то рядом, за стенами, под землёй, в воздухе. Он шёл по городу и знал, где кому больно, где кому страшно, где чья нить натянулась до предела. Он не умел с этим работать — просто чувствовал, как чувствуют приближение грозы по изменению давления. Но этого хватило, чтобы гильдия заметила его.

Его привели в зал. Старейшины смотрели на него — не враждебно, а оценивающе, как смотрят на инструмент, который нужно испытать, прежде чем пустить в работу. Он стоял перед ними и молчал, потому что не знал, что говорят в таких случаях. Коса, которую ему протянули, была лёгкой — почти невесомой, — но когда он взял её в руки, то почувствовал вес всех, кого ему предстояло сопровождать. Это не было тяжело. Было ответственно.

— Ты видишь нити, — сказал старейшина Ворон, самый древний из всех. Лицо его было как высохшее дерево — морщины шли во все стороны, будто кора. — Это редкость. Большинство Жнецов чувствуют зов, но не видят. Ты будешь точным.

С этой косой он проработал больше века. Забирал стариков и детей, воинов и учёных, святых и убийц. Не задавал вопросов — просто делал свою работу и шёл дальше.

Но вопросы копились. Почему этот человек умер именно так? Почему нить оборвалась в этот момент, а не на минуту раньше или позже? Почему одни уходят спокойно, а другие цепляются до последнего, и иногда это что-то меняет, а иногда — нет? Вопросы копились, как снег на крыше: сначала незаметно, потом всё тяжелее, пока не стало ясно, что крыша скоро не выдержит.

Он начал записывать. Сначала в голове, потом на обрывках бумаги, потом — в толстых тетрадах, которые носил с собой повсюду. Другие Жнецы смотрели на него странно: работа не терпит рефлексии, говорили они. Ты здесь не для того, чтобы понимать — ты здесь для того, чтобы делать. Он кивал, соглашался, а потом снова садился и записывал.

Тетради заполнялись. Он описывал последние взгляды, последние слова, запах воздуха в момент перехода. Он замечал, что те, кто уходит добровольно, оставляют за собой тишину — будто мир на секунду задерживает дыхание. А те, кого забирают насильно, оставляют шум — как будто воздух рвётся, не хочет отпускать. Он записывал это и думал: если собрать достаточно данных, может быть, удастся понять, что такое смерть на самом деле. Не как процесс, а как явление.

Старейшины знали о его записях. Они не запрещали, но и не одобряли. Однажды Ворон подошёл к нему после смены — лицо его было ещё более пустым, чем обычно, — и сказал:

— Ты слишком много думаешь. Думаешь — значит сомневаешься. Сомневаешься — значит рано или поздно откажешься.

Он тогда промолчал. Но про себя подумал: а что, если Ворон прав? Что, если однажды он действительно откажется? И что, если это будет не слабостью, а единственно верным решением?

Глава 2. Ночь, когда он сказал «нет»

Всё изменилось в одну ночь.

Приказ пришёл как всегда: без эмоций, без объяснений, просто имя, адрес и время. Девочка, двенадцать лет, болезнь, не поддающаяся лечению, нить натянута до предела. Он взял косу, вышел из тени и пошёл.

Город спал. Он шёл по пустым улицам, и трость — тогда ещё не трость, а просто привычка держать косу определённым образом — отбивала ритм по асфальту. Ночь была прохладная, с ветром, который пах мокрыми листьями. Он не замечал этого. Он никогда не замечал погоду — не потому что было всё равно, а потому что в работе не было места для «всё равно».

Комната была маленькая, тёплая, с книжными полками от пола до потолка и ночником в виде луны. Девочка спала — не тихо, не тревожно, а как спят дети, которые ещё не знают, что их нить натянута до предела. На тумбочке рядом — недопитый чай, тетрадь с рисунками, открытка от мамы: «Поправляйся, моя родная».

Он поднял косу.

И замер.

Потому что увидел. Не глазами, а тем внутренним знанием, которое пришло к нему на перекрёстке много лет назад: если нить оборвётся сейчас, в цепочке событий образуется разрыв, и через него хлынет больше боли, чем если бы девочка прожила ещё тридцать лет. Он видел, как расходятся трещины от точки обрыва, как они проходят сквозь судьбы десятков людей. Как мать, потерявшая дочь, сломается и не сможет работать. Как отец, потерявший смысл, начнёт пить. Как младший брат, вырастая без сестры, станет озлобленным и однажды причинит кому-то боль, которую причинили ему. И эта боль породит новую, та — ещё одну, и так без конца.

Но если девочка проживёт — он видел и это — она станет врачом. Она будет лечить детей, потому что помнит, как ей было страшно, и захочет, чтобы другим было меньше страшно. Каждая спасённая ею жизнь потянет за собой новую цепочку: чьи-то дети, чьи-то открытия, чьё-то прощение. Рябь, которую он предотвратит, не побежит по миру. Баланс устоял бы.

Он стоял долго. Может быть, минуту. Может быть, час. Время в таких случаях теряет смысл. Ночник-луна светил тёплым жёлтым светом. Девочка дышала ровно, тихо, и на губах у неё была лёгкая, едва заметная улыбка — может быть, ей снилось что-то хорошее.

Потом он опустил косу. Повернулся. Ушёл.

Девочка прожила ещё тридцать два года. Он не знал этого тогда — он просто знал, что не может поднять косу. И ушёл.

На улице ветер всё ещё пах мокрыми листьями. Он стоял под фонарём, держал косу в руках и впервые за всё время службы чувствовал, что она тяжёлая. Не от веса тех, кого ему предстояло сопровождать. От веса того, кого он не стал сопровождать.

Глава 3. Изгнание

Гильдия узнала быстро. Нити судьбы не скроешь — особенно когда обрыва не происходит там, где он должен быть. Рябь отсутствия расходилась по миру так же заметно, как рябь насилия, — просто в другую сторону.

Его вызвали в Зал Переходов — тот самый, вырубленный в скале, со стенами, покрытыми именами. Старейшины сидели полукругом, и их лица были не злыми, а пустыми — лица людей, которые давно перестали удивляться. Только Ворон смотрел на него с чем-то, чего он не ожидал: не с гневом, а с чем-то похожим на печаль.

— Ты отказался выполнить приказ, — сказал Ворон. Голос его был ровным, как всегда. — Ты знаешь, что это значит.

Он знал. Это значило изгнание. Не казнь — казнить Жнеца невозможно, потому что он уже не совсем живой. Но исключение из гильдии — потеря статуса, защиты, поддержки. И потеря косы.

— Объясни, — попросил Ворон. Может быть, он хотел, чтобы он нашёл слова. Может быть, он хотел дать ему шанс.

— Я увидел, что её смерть разрушит больше, чем сохранит, — ответил он. — Если мы забираем жизнь, мы должны видеть последствия. Мы не можем просто...

— Мы не должны видеть, — перебил Ворон. — Мы должны делать. Видение последствий — не наша работа. Наша работа — сопровождать. Если каждый Жнец начнёт анализировать каждый приказ, система рухнет.

— Может быть, система и должна рухнуть, — тихо сказал он.

В зале стало так тихо, что он услышал, как где-то в глубине скалы капает вода. Стекает по камню, накопившемуся за тысячи лет. Капает и капает, и никому нет дела, кроме камня, который её впитывает.

Ворон молчал долго. Потом кивнул — медленно, будто каждый наклон головы стоил ему усилия.

— Заберите у него косу.

Ему не было больно отдавать косу — но он почувствовал, как из рук уходит сила, которая была с ним больше века. Словно из позвоночника вынули стержень, и теперь тело держится только на привычке. Коса прошла по рукам старейшин, и каждый касался её с брезгливостью, с какой трогают вещь, принадлежавшую предателю. Потом её унесли вглубь зала, и он больше её не видел.

Его имя стёрли со стен. Вырезали аккуратно — как хирург удаляет опухоль. Камень на том месте стал гладким, чистым, будто имени никогда не было. Он смотрел, как работают резцы, и думал: вот так вот. Сто лет службы, тысячи сопровождаемых душ, тетради, полные наблюдений, — и всё уместается в одном гладком пятне на стене.

Объявили «теневым» — существом без статуса, без права работать, без поддержки. Теперь любой член гильдии, который его встретит, обязан либо вернуть его для суда, либо уничтожить.

Он вышел из зала. За ним закрылась каменная дверь — тяжело, с глухим стуком, будто скала не хотела его отпускать, но всё-таки отпустила. И он остался один — без косы, без гильдии, без имени, на пороге мира, который больше не знал, что с ним делать.

Глава 4. Трость

Трость появилась не как оружие и даже не как опора — она появилась как попытка удержать равновесие в мире, который больше не хотел стоять ровно.

После изгнания он долго не мог найти точку опоры. Не физическую — с этим справлялись ноги. А ту внутреннюю точку, от которой всё строится: «я здесь, я знаю, куда иду, я понимаю, что делаю». Без косы мир стал глухим. Нити судьбы больше не звенели в ушах, не тянули за взгляд, не показывали дорогу. Он шёл наугад, и каждый шаг отзывался в груди пустотой — будто он ступает по воздуху, а земля где-то внизу, слишком далеко, чтобы её почувствовать.

Однажды он просто подобрал палку. Сухую, кривую, обломанную ветром. Не потому что ему было тяжело идти — ему было тяжело стоять. Палка лежала у стены заброшенного дома, будто ждала, когда её заметят. Он поднял её, примерил, постучал по асфальту — и услышал звук. Тихий, но настоящий. Не голос мира, как раньше, а его отголосок. Как будто в дереве осталась память о том, сколько раз оно качалось на ветру, сколько дождей впитало, сколько птиц на нём сидело. И этот отголосок был громче тишины, в которой он жил.

Он начал обтачивать палку. Месяцами. Сначала ножом, потом камнем, потом просто пальцами, когда дерево стало мягким от прикосновений. Постепенно она превратилась в трость: ровную, тёмную, с едва заметной спиралью, будто кто-то невидимый выкручивал её по ходу времени. А потом на ней начали проступать знаки — не те, что он вырезал, а те, что приходили сами: мелкие насечки, похожие на зубцы шестерёнок, тонкие линии, складывающиеся в узоры, которые напоминали переплетение нитей судьбы. Он не знал, откуда они взялись. Просто однажды утром посмотрел на трость и понял: она больше не палка. Она — продолжение его руки, его слуха, его памяти.

Трость не резала нити. Но она их чувствовала. Когда он упирался ею в землю, дерево вибрировало — едва уловимо, как струна, которую тронули пальцем. Вибрация говорила: «здесь кто-то боится», «здесь кто-то ждёт», «здесь что-то вот-вот случится». Этого хватало, чтобы знать, где он нужен, но не хватало, чтобы действовать открыто. Поэтому он работал в тени: приходил туда, где гильдия ошибалась, и тихо, незаметно корректировал то, что они делали неправильно.

Иногда он думал, что трость — это и есть его новая коса. Только не для того, чтобы обрывать, а чтобы удерживать. Как шестерёнка в большом механизме: она не решает, куда пойдёт движение, но если её убрать — весь механизм начнёт скрипеть, а потом и вовсе встанет.

Глава 5. Очки

Очки он нашёл в лавке, где торговали старыми вещами — там, где никто не спрашивает, зачем ты берёшь сломанные часы, потёртые перчатки или очки с поцарапанными стёклами. Хозяин лавки, седой человек с лицом, похожим на старую карту, посмотрел на него и сказал:

— Эти стёкла не показывают будущее. Но они помогают не сойти с ума от того, что ты уже видишь.

Он не стал спрашивать, откуда старик знает, что он видит. Просто кивнул и купил.

Первые дни он носил их, не понимая, зачем. Мир стал темнее, приглушённое, будто кто-то убавил яркость. Но потом он понял: это не убавили — это убрали лишнее. Без очков он видел слишком много: страх в глазах прохожих, который они прятали за улыбками; жестокость, замаскированную под деловитость; отчаяние, прикрытое работой. Каждый человек был как радиостанция, и все они работали на одной волне — волне боли. И эта волна могла его смыть.

С очками волна стала тише. Не исчезла — он не хотел, чтобы она исчезала. Боль нельзя стирать, как пятно. Её можно только научиться слышать так, чтобы она не разрывала тебя изнутри. Очки работали как фильтр: они не убрали боль, а приглушали её, как приглушают слишком яркий свет.

Позже он понял, что очки служат и другой цели: они скрывают его глаза. Глаза человека, который видел грань миров, отличаются от глаз обычных людей — в них есть что-то, что трудно описать, но легко почувствовать. Те, кто случайно встречал его взгляд без стёкол, потом долго не могли заснуть: им снился перекрёсток двух дорог и голос, который говорил: «Ты видишь. Значит, ты теперь отвечаешь».

Теперь он снимал очки только тогда, когда был уверен, что рядом нет никого, кто может заглянуть ему в душу и испугаться того, что там увидит.

Глава 6. Кожа и тени

Кожанный костюм он собирал по частям, как пазл, где каждая деталь должна была не просто защищать, а помогать ему оставаться собой.

Сначала была куртка — тяжёлая, потёртая, пахнувшая временем и дождём. Он купил её на рынке, где торговали вещами, которые уже пережили своих хозяев. Куртка сидела плотно, но не сковывала движений. Ремни и пряжки он добавил сам — чтобы можно было быстро затянуть, если придётся бежать, или ослабить, если станет слишком тяжело дышать.

Потом появились перчатки — грубые, с усиленными костяшками. Не для драки — он не любил драться. Но иногда приходилось защищаться, и лучше, чтобы кожа держала удар, чем собственные руки.

Капюшон он носил не чтобы пугать. Он скрывал лицо, потому что его глаза — глаза человека, который стоит на грани миров — не должны встречаться с чужими без необходимости. В городе, среди людей, капюшон делал его силуэтом, тенью, фигурой, на которую не смотрят дважды.

Кожа скрипела, когда он шёл. Этот звук стал его ритмом. Он шагал, и скрип повторял: «я здесь», «я иду», «я не исчез». Иногда ему казалось, что этот скрип — как звук шестерёнок, которые крутятся где-то глубоко внутри города, удерживая его на месте.

Костюм был не только бронёй. Он был памятью. Каждая царапина на коже — это переулочек, в котором он едва успел свернуть. Каждый потёртый шов — это ночь, когда он стоял под дождём и думал, что больше не сможет сделать ни шага. И каждый ремень, затянутый ровно настолько, чтобы держать форму, но не сковывать, — это напоминание: можно быть сильным, не становясь каменным.

Глава 7. Дреды и борода

Дреды отросли сами. Он просто перестал стричься — сначала из-за того, что было не до того: дни сливались в сплошную череду переулков, вибраций трости и коротких записей в тетради. Потом он и вовсе забыл, что когда-то стригся. А когда однажды провёл рукой по волосам и почувствовал плотные, тяжёлые жгуты, то не удивился. Это было не преображение, а признание: он больше не тот, кто заботится о том, как выглядит.

Но вскоре он понял, что дреды стали не просто частью его запущенного вида — они стали инструментом. В них будто оседали отголоски чужих эмоций, как пыль оседает на ткани. Иногда, проходя мимо места, где недавно случилось горе, он чувствовал, как дреды на затылке слегка тяжелеют, будто впитывают чужую боль. А в моменты, когда рядом назревало что-то опасное, они начинали едва заметно шевелиться — не от ветра, а будто сами по себе, как антенны, улавливающие невидимые волны.

Однажды ночью он шёл по тёмному дву, и вдруг дреды на висках будто натянулись, потянув голову чуть в сторону. Он остановился, прислушался — и услышал тихий, сдавленный всхлип из-за угла. Там, прижавшись к стене, сидела девочка лет семи, дрожащая, с поцарапанными коленями и широко распахнутыми глазами, в которых застыл ужас. Рядом валялась разбитая игрушка. Он не бросился к ней с расспросами. Просто сел на корточки напротив, не приближаясь, чтобы не напугать ещё сильнее, и тихо сказал:

— Я не буду тебя трогать. Но я здесь. Если хочешь, можешь просто говорить. Или не говорить. Как удобнее.

Девочка смотрела на него долго, будто проверяя, настоящий ли он. Потом шмыгнула носом и прошептала:

— Он кричал. И дверь хлопнула. Я убежала.

Он кивнул. Не стал обещать, что всё будет хорошо. Вместо этого достал из кармана старый, потёртый платок — тот самый, которым когда-то вытирал пыль с обложки первой тетради, — и протянул ей.

— Держи. Если нос опять станет мокрым.

Она взяла. Сжала в кулачке, будто это был не кусок ткани, а что-то очень важное. И впервые за всё время чуть расслабила плечи.

Он сидел с ней, пока не стих шум во дворе, пока не перестали хлопать двери и не стало слышно, как где-то вдалеке тикают часы на башне. Потом помог ей найти старшего брата, который метался по соседним улицам, выкрикивая её имя. Когда брат подбежал, обнял её так крепко, что она даже поморщилась, он просто кивнул и тихо ушёл, оставив их вдвоём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.